
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

М.И. ТИСЛЕНКО*

**ПОСТНЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ МЕЛАНХОЛИЯ
УРБАНИСТОВ: ИЗОБРЕТАЯ ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ГЕОГРАФИЮ ГОРОДОВ**

Рецензия на книгу:

Rossi U., Vanolo A. Urban political geographies: A global perspective. – Sage, 2011. – 232 p.

Для цитирования: Тисленко М.И. Постнеолиберальная меланхолия урбанистов: изобретая политическую географию городов (Рецензия) // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 300–310. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.14>

XXI век для научной деятельности ознаменовался поворотом к меж-, мульти-, транс-, кросс-, пост- и даже метадисциплинарности, начатым еще в XX в. [Соколовский, 2016]. Несмотря на различные интерпретации с обоснованиями разницы в подходах, все эти концепты так или иначе описывают диффузию различных отраслей знаний, размывание границ конкретных дисциплин, взаимное обогащение методологических подходов и разработку новых

* **Тисленко Мария Игоревна**, научный сотрудник Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД России (Москва, Россия); ассистент кафедры региональной экономики и географии Экономического факультета, Российский университет дружбы народов (Москва, Росси), e-mail: tislenko-mi@rudn.ru

© Тисленко М.И., 2022

DOI: 10.31249/poln/2022.04.14

инструментариев и областей науки. Это явление особенно сильно коснулось социальных наук, в разрезе как экспансии аппарата экономической науки в социологию [Радаев, 2008] и политологию [Олейнов, 2009], так и интересы исследователей социально-гуманитарной направленности в отношении точных наук. Социальные антропологи исследуют инженерное дело и строительство [Ewart, 2011], а ученые-политологи пытаются описать современную систему международных отношений через квантовую теорию [Алексеева, Минеев, Лошкарёв, 2016].

География не стала исключением: генезис политической географии берет свое начало еще в XIX в. [Окунев, 2019], а городские исследования активно стремились к эпистемологической автономии в XX в., пройдя путь от «сияющего града» Д. Уинтропа до «лучезарного города» Ле Корбюзье [Curtis, 1986, p. 65–68]. Тем не менее Альберто Ваноло, специалист в области городского планирования, и Уго Росси, исследователь в сфере социальных наук, предприняли попытку «поженить» пространственные исследования политики и урбанистику в книге «Городские политические географии: глобальное видение», опубликованной в 2011 г. [Rossi, Vanolo, 2011]. Методологической основой для столь амбициозного проекта стал критический подход: авторы анализируют проблемы городского развития и управления через призму социального конструктивизма. Подобный инструмент переосмысления классических дисциплин не является новым для географии: такой раздел, как критическая геополитика, появился в 1980-е годы, а уже к концу 1990-х обрел собственную междисциплинарную программу исследований [Окунев, 2014]. Так в чем состоит замысел авторов, решившихся на конструктивистскую «атаку» на города и политические аспекты их географии?

А. Ваноло и У. Росси ставят себе цель осветить и раскрыть стратегии и тактики городской политики в эпоху глобализации, неолиберализма и постмодерна. Для этого они анализируют политику в следующих плоскостях: политику как представительство, как оспаривание (полемику, диспут) и др. Этот анализ и заложен и в структуре монографии, включающей в себя три соответственно названных главы.

В первой главе под названием «Политика как представительство» авторы рассматривают различные дискурсивные стратегии репрезентации городов от фордистского индустриального к

постфордистскому городу постмодерна, завязанному на информационных потоках. Далее авторы анализируют, как культура и креативность стали важным фактором формирования образов городов и их потенциала, в том числе благодаря концепции «креативного класса» Р. Флориды. Высшей точкой развития городской репрезентации, по мнению итальянских исследователей, стал «глобальный город», т.е. агломерация, вписанная в контексты глобализации и даже претендующая на субъектность в этих контекстах. Для авторов репрезентация города – не просто способ урбанистического брендинга для привлечения туристов и инвесторов; это мощный дискурсивный инструмент политического управления, который имеет перформативный характер. Его перформативность заключается в том, что города становятся ключевыми точками производства и воспроизводства культуры, символов, моды и смыслов, а затем выходят на мировую «сцену», где играют выбранные роли, оказывая воздействие на экономические и культурные практики целых обществ (с. 54). Городские власти берут на вооружение, например, стратегию развития культурных институций; так поступил, например, Бильбао с музеем Пегги Гугенхайм, или Пекин с Олимпийскими играми для стимулирования экономического роста и международного престижа. Первый сюжет даже дал название феномену МакГугенхаймизации, который был обыгран в сериале «Симпсоны» в контексте ребрендинга Спрингфилда, родного города главных героев (с. 26, с. 64–65).

Авторы убеждены, что выбор репрезентаций не только носит характер форсирования экономической активности, но и используется для сокрытия и подавления проблем и контррепрезентаций. Блеск городов арабских стран – экспортеров нефти призван отвлечь от нищеты и угнетенного положения мигрантов из Шри-Ланки, Пакистана и Индии (с. 56).

В целом тема неравенства для А. Ваноло и У. Росси является центральной: по сути, политическая география городов – про отношения имеющих власть и экономические ресурсы и использующих свое влияние для навязывания воли тем, кто благами и статусом не обладает. В рамках первой главы при анализе креативного класса и мест его компактного проживания исследователи уделяют много внимания тому, что такие сообщества эксклюзивны и ориентированы на лиц с относительно высокими доходами (с. 75). Креативные города – это агломерации, в которых комфорт-

ные условия жизни компенсируются ее высокой стоимостью, рынок недвижимости сталкивается с джентрификацией, а этнические меньшинства вынуждены поступиться своим культурным бэкграундом ради успеха в большом городе.

Еще одной интересной темой, затрагиваемой авторами, является критический анализ устойчивого развития (с. 46–48). По мнению итальянских исследователей, концепция стала неолиберальным ответом на поляризующую общество тему экологического кризиса. Таким образом, «зеленые» инвестиции, энергетический переход к ВИЭ и поддержка производства электромобилей – это «успокоительное», используемое городскими управленцами от тревожности по поводу экологических проблем, но не устраняющее причину.

Вторая глава посвящена политике как правительству (*government*), и отсылает к идеям родоначальника «радикальной географии» Дэвиду Харви, проводившему разграничение между правительством (*government*) и управлением (*governance*) городами. Первое отсылает к иерархическому и менеджеральному стилю управления, основанному на примате общественного сектора и направленному на перераспределение городской выручки через предоставление услуг фирмам и домохозяйствам (с. 101). В управлении как *governance* важную роль играет децентрализация процедур менеджмента в контексте снижения институциональных полномочий общественного сектора, повышения важности государственно-частного партнерства и соответствующего принятия решений по итогу переговоров [Harvey, 1989]. Таким образом, хотя Д. Харви отмечает сдвиг от первого типа городского менеджмента ко второму, сами исследователи фокусируются на концепции правительства и рассматривают ее с двух сторон: экономики и насилия.

С точки зрения экономики господствующей концепцией, обладающей наибольшим объяснительным потенциалом происходящего в городах, является неолиберализм (с. 72). А. Ваноло и У. Росси анализируют, как и в первой главе, эволюцию политэкономии города от кейнсианского периода, породившего в 1960-е годы кризис городов (большие дефициты городских бюджетов), к неолиберальному капиталистическому. Под неолиберализмом итальянские исследователи понимают политический инструментарий, поощряющий количественную, географическую, а также ка-

чественную экспансию рыночной экономики (через коммодификацию аспектов, ранее не бывших товарами или услугами) (с. 72). Для объяснения перехода к современной городской экономике авторы используют теоретическое наследие Мануэля Кастельса, определившего потребление в качестве основной функции города, и уже упомянутого Д. Харви, обратившего внимание на важность земли и недвижимости как маркера экономического роста (с. 76). В итоге города с 1980-х на волне рейганизма и тэтчеризма стали восприниматься как «машины роста» и вышли на обозначенную выше «сцену» глобализации (с. 81). Возникает противоречие между городами и их регионами, которое может быть разрешено через формирование мегалополиса. По мнению авторов, это привело к детерриториализации городов и появлению феномена глокализации (с. 85), когда географические масштабы перестали быть пространственными контейнерами и стали динамическими социопространственными структурами. Какие это имело последствия для глобальных Севера и Юга?

Для развивающихся экономик неолиберальный поворот принес дальнейшее обеднение через Вашингтонский консенсус как пакет экономических мер, направленный на приватизацию и сокращение общественных расходов. В городах глобального Юга расцвели теневая экономика и «экономика лавок», уровень жизни упал, а горожанам пришлось находить новые форматы общности и использования скудных ресурсов, например коммунальное засаживание огородов в городской черте (с. 87). В итоге основными бенефициарами продвижения неолиберальных капиталистических порядков стали глобальные экономические элиты условного Запада в части получения доступа к дешевой рабочей силе и природным ресурсам. Однако авторы отнюдь не наивны в своем отношении к Западу, частью которого они все-таки являются. Для авторов влияние неолиберальной экономики на города Европы и Северной Америки разнонаправленно и противоречиво: с одной стороны, правительства и менеджеры на Западе также следовали ортодоксальным истинам рыночной экономической теории в части одержимости бюджетной дисциплиной и снижением общественных расходов (с. 91). С другой стороны, города как машины роста получали пакеты мер поддержки в рамках развития особых территорий или районов улучшения бизнеса. Таким образом, территориальное развитие стало мыслиться в категориях «бустеризма», или

мегапроектов, отнюдь не всегда приводящих к желаемым результатам (с. 95), а сами городские власти пытались быть предпринимателями больше чем политиками, мысля социально-пространственные отношения в категориях коммодификации.

Помимо капиталистических порядков, итальянские исследователи уделяют во второй главе особое внимание институционализированному насилию как инструменту, включающему в себя распространение «политики страха», навязывание постоянного наблюдения за горожанами, различные дисциплинарные практики. Политика страха понимается как манипулятивная стратегия, возникшая из-за того, что современному человеку постмодерна не хватает адекватных ответов на вечную загадку простой случайности (с. 108). Однако если до этого на такие вопросы отвечали религия или идеология, то новыми «опиумами для народа» стали политика безопасности (контртерроризм) и движение в защиту окружающей среды (энвайронментализм). Глобализации политики страха способствовали религиозный фундаментализм на Ближнем Востоке и рост преступности на постсоветском пространстве. Реакцией на рост криминальных, да и просто анархических / контрэлитных настроений стала, среди прочего, политика «нулевой толерантности», хорошо описанная на примере Нью-Йорка, когда его мэром был Рудольфо Джулиани с 1994 по 2001 г. (с. 112). Руководствуясь концепцией «разбитых окон», власти не только усиливают надзор и ужесточают наказания, но и вовлекают горожан в дисциплинарные политики, взращивая в них потребность в бдительности. Это усугубляет маргинализированное положение угнетенных групп, которые начинают обороняться в ответ, а также способствует пространственной сегрегации сообществ. Двойная угроза – нормализация насилия и уничтожение демократии – характеризует города не только в зоне военных конфликтов, но оказывается невидимой и вшитой в техники городского планирования, процессы городской регенерации и политику безопасности.

Третья глава сосредоточена на политике как диспуте или споре по поводу городских справедливости и гражданства.

В рамках анализа городской справедливости авторы рассматривают концепции общей справедливости Д. Ролза, А.М. Янг, а также Д. Харви. Для итальянских исследователей города на фоне поиска справедливости становятся точками, в которых справедливость возможна в большей степени, чем в сельских территориях,

что связано с простотой организации социального движения за права какой-то группы или меньшинства благодаря компактности и динамизму городской среды. От права на различие (с. 136) А. Ваноло и У. Росси переходят к «праву на город» А. Лефевра (с. 138) – концепции, ставшей популярной среди урбанистов через 20 лет после ее появления. Авторы подчеркивают, что теоретическое новаторство А. Лефевра состоит в выделении городских жителей отдельно от горожан (в нее включаются приезжие лица – мы бы сейчас назвали эту когорту «пользователи» города). Кроме того, благодаря жителям города произошел поворот в сторону превосходства «потребительной стоимости» над «меновой стоимостью» городских пространств: «...создание городского пространства подразумевает не просто изменение структуры города, но и формирование более широких, многомерных социально-пространственных отношений. Например, локализация промышленного предприятия или инфраструктуры мобилизует разнообразный набор социально-пространственных отношений, связанных с материальными, социальными и символическими факторами, что в целом составляет “политическое” измерение городского процесса» (с. 139).

Тем не менее, несмотря на демократический потенциал города как точки объединения масс, авторы отнюдь не считают, что за этим следуют демократизация и торжество справедливости. На фоне глобализации и неолиберального капитализма происходит дальнейшая детерриториализация городской политики, так как на решения в области городского управления все больше влияют акторы, территориально не связанные с данным пространством (ТНК, девелоперские компании, наднациональные органы власти, например в ЕС). И хотя города исторически были локусами формирования низовых движений и протестов, город, давая право на различия, дает право и на анонимность и неучастие. Кроме того, кливаж между зажиточными привилегированными и бедными угнетенными слоями городских жителей сохраняется, и авторы приводят убедительный пример по разнице в темпах восстановления районов Нового Орлеана после урагана «Катрина» в 2005 г.: в то время как наиболее затронутые разрушениями «черные» кварталы отстраивались медленно, менее разрушенные «белые» кварталы получали больше поддержки в рамках программ восстановления (с. 152).

Далее авторы рассматривают категорию городского гражданства: на фоне кризиса национального гражданства итальянские исследователи фокусируются на двух категориях – международных мигрантах и сексуальных меньшинствах. Авторы выдвигают тезис: городское гражданство привлекательно как идея, хотя и утопичная: за симпатиями к ней скрываются вера в город как пространство диалога и демократического воображения, выходящего за пределы представительных институтов (с. 160). Они развивают идеи А. Лефевра о праве на город не только в смысле обеспечения общественных услуг (жилье, здравоохранение, транспорт), но в смысле признания субъектности «других» в лице этнических и сексуальных меньшинств, а также в смысле права присутствовать в городе и определять конфигурацию городских пространств и отношений (с. 162). И хотя существуют контртенденции, например в части ужесточения миграционного законодательства, политика мультикультурализма способствует институциональному участию «других». В качестве позитивного примера авторы приводят участие горожан арабского происхождения в Хайфе и Тель-Авиве, в качестве негативного – маргинализированное положение курдских женщин в Стамбуле, в частности в вопросах получения образования.

К каким основным выводам приходят авторы? Для авторов города – это и активные агенты, и жертвы текущей экономической и политической турбулентности (с. 180). Так как книга была опубликована в 2011 г., еще свежи были воспоминания о мировом финансовом кризисе 2008 г., начавшемся с кризиса ипотечного кредитования, а ипотеки выдавали на городскую недвижимость. Городские управленцы на фоне этого находятся в «постнеолиберальной меланхолии», причиной которой является несправедливость капиталистического порядка и репрессивные государственные меры против девиантных «других». Путь к преодолению меланхолии авторы все-таки видят в городских социальных движениях: только через формирование чувства коммунального и сопричастности к страждущим и бесправным можно преодолеть существующие ограничения экономического роста и неэффективность производства и распределения благ.

Если оценивать монографию А. Ваноло и У. Росси в целом, можно выделить целый ряд достоинств и недостатков. К достоинствам можно отнести следующее.

• Когда авторы рассматривают ту или иную проблему, они не ограничиваются конвенциональными западными теориями, а используют концептуальные инструменты, предложенные немейнстримными теоретиками, такими как А. Онг, Дж. Тоал, Дж. Фергюсон. Аналогично и с примерами – города в аргументах и доказательствах А. Ваноло и У. Росси рассредоточены по всему миру от Латинской Америки до Юго-Восточной Азии.

• Итальянские исследователи поднимают вопросы, которые и на сегодняшний день являются актуальными для политической науки и городского управления: на фоне процессов цифровой трансформации и усиления контроля над личной жизнью горожан проблемы сдержек и противовесов правительств и корпораций приобретают дополнительное значение. Не менее примечательным является избличение устойчивого развития как дискурсивной тактики для смягчения дискуссии об экологическом кризисе.

• Книга имеет четкую структуру и использует примеры из кинематографа: в главах выделены целые блоки, посвященные отдельным фильмам, сюжет которых рассматривается через призму проблем, освещаемых в главе. Это делает монографию готовым учебно-методическим пособием, которое будет интересно использовать как преподавателям, так и студентам и аспирантам в освоении дисциплин, связанных с городскими исследованиями.

Тем не менее у рассматриваемого издания можно выделить следующие недостатки:

• Остается дискуссионным вопрос, как много осталось собственно «географического» в «Городских политических географиях»: города и территории вообще все-таки остаются «театральными подмостками» постмодернистского, глобализационного и неолиберального спектакля, критически анализируемого авторами. Пространство не оказывает существенного влияния на изобретаемые стратегии и тактики. Также почти не проводится различий, как одни и те же институциональные приемы по-разному отразились в разных пространственных рамках, помимо дихотомии глобальных Севера и Юга.

• Концепция авторов, будучи типичной в ряду критических теорий, пронизана меланхолией в отношении возможности социальной и пространственной справедливости, а также скептицизмом, если не пессимизмом в отношении капиталистического порядка. Тем не менее А. Ваноло и У. Росси не дают альтернативного виде-

ния того, как управлять разумно. Видя потенциальный выход в коммуитаристских движениях, итальянские исследователи не спешат анализировать противоречивый опыт социальных движений и теории сообществ, которая не стала панацеей от городских и национальных проблем.

Итак, книга «Городские политические географии: глобальное видение» А. Ваноло и У. Росси стала полноценной попыткой обозначить новое междисциплинарное поле политического, экономического и социального в пространственном локусе городов, которая, возможно не в полной мере, могла претендовать в 2011 г. на то, чтобы стать всеобъемлющей, но совершенно точно внесла вклад в политэкономический анализ городов как субъектов и объектов глобального капиталистического порядка.

M.I. Tislenko*

**Post-neoliberal urbanist melancholia:
reinventing the political geography of cities (Review)**

For citation: Tislenko M.I. Post-neoliberal urbanist melancholy: reinventing the political geography of cities (Review). *Political Science (RU)*. 2022, N 4, P. 300–310. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2022.04.14>

References

- Alekseeva T.A., Mineyev A.P., Loshkariov I.D. «Land of confusion»: quantum physics in ir theory? *MGIMO review of international relations*. 2016, N 3 (48), P. 7–16. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-7-16> (In Russ.)
- Curtis W.J.R. *Le Corbusier: ideas and forms*. London: Phaidon, 1986, 240 p.
- Ewart I. *An anthropology of engineering: PhD Thesis*. University of Oxford, 2011, 263 p. Mode of access: https://ora.ox.ac.uk/catalog/uuid:69c42210-e6c0-49c7-bec2-4a27f2e9903c/download_file?file_format=application%2Fpdf&safe_filename=THE_SIS01 (accessed 30.05.2022).
- Harvey D. From managerialism to entrepreneurialism: the transformation in urban governance in late capitalism. *Geografiska Annaler: series B, human geography*. 1989, Vol. 71, N 1, P. 3–17.

* **Tislenko Maria**, Moscow State Institute of International Relations; RUDN University (Moscow, Russia), e-mail: tislenko-mi@rudn.ru

- Oleynov A.G. Political process as studied through the prism of the economic science: the complex approach. *Polis. Political Studies*. 2009, N 4, P. 53–71. (In Russ.)
- Okunev I.Y. Critical geopolitics and post-critical shift in geopolitical research paradigm. *Comparative politics*. 2014, N 4 (17), P. 6–14. (In Russ.)
- Okunev I.Y. *Political geography*. Moscow: Aspect-Press, 2019, 512 p. (In Russ.)
- Radaev V.V. Economic imperialists attack. What should be done by sociologists? *Economic Sociology*. 2008, Vol. 9, N 3, P. 25–32. (In Russ.)
- Rossi U., Vanolo A. *Urban political geographies: a global perspective*. London: Sage, 2011, 232 p.
- Sokolovskiy S.V. The future of anthropology: cross-, inter-, multi-, trans-, a- or post-disciplinarity? *Siberian historical research*. 2016, N 4, P. 12–29. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО Университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 7–16. – DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-7-16>
- Окунев И.Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. – 2014. – № 4 (17). – С. 6–14.
- Окунев И.Ю. Политическая география. – М.: Аспект-Пресс, 2019. – 512 с.
- Олейнов А.Г. Политический процесс сквозь призму экономической науки: комплексный подход // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 53–71.
- Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам // Экономическая социология. – 2008. – Т. 9, № 3. – С. 25–32.
- Сokolovskiy С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. – 2016. – № 4. – С. 12–29.